

★ ВОЙНА ★ Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА ДРАБКИНА

КРАСНОФЛОТЦЫ

Война. Я помню. Проект Артема Драбкина

Артем Драбкин
Краснофлотцы

«Яуза»

2020

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос)

Драбкин А. В.

Краснофлотцы / А. В. Драбкин — «Яуза», 2020 — (Война. Я помню. Проект Артема Драбкина)

ISBN 979-5-00155-066-2

Военно-морской флот, имеющий более чем 300-летнюю историю, отважно сражался и в годы Великой Отечественной войны. Моряки Черноморского флота дали первый отпор врагу, а затем отличились при обороне города-героя Севастополя. Представители трех флотов (Черноморского, Балтийского и Тихоокеанского) громили врага не только на море и на суше, но и в небе: флотская авиация бомбила вражеские корабли и транспортные суда, а морская пехота высаживалась во вражеский тыл в качестве десанта, уничтожая противника и добывая нужные для командования сведения. Конечно, были и трагические страницы в истории флота: сдача острова Ханко и города Севастополя, Таллинский переход, во время которого потонула половина наших кораблей... Среди героев новой книги проекта Артема Драбкина «Я помню» – моряки, подводники, морские пехотинцы и даже флотские оперативные разведчики. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 82-311.6

ББК 84(2Рос)

ISBN 979-5-00155-066-2

© Драбкин А. В., 2020

© Яуза, 2020

Содержание

Шумилов Александр Николаевич	6
Лубенцов Александр Григорьевич	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Краснофлотцы

Проект Артема Драбкина

© Драбкин А.В., 2020

© ООО «Яуза-каталог», 2020

Шумилов Александр Николаевич

Я родился в 1924 году в поселке у станции Катуар по Савеловской дороге. Окончил школу, подал заявление в Бауманский институт, приняли без экзаменов.

Помните 22 июня?

Я был на Катуаре, когда объявили, что началась война. Немцы быстро докатились до Москвы в район Икши, Яхромы... все мосты взорвали. Я сам свидетель, пацан, десятиклассник. Наш Катуар. это единственное место, куда немцы не дошли. Райком комсомола мобилизовал поднимать людей, крестьян, уничтожать имущество, чтобы немцам ничего не досталось.

Отец работал в школе. Стекла повыбило, и мы с отцом зимой ходили пешком в Москву их забирать, потому что поезда не ходили. Помню, мы прошли Лобню. За Лобней сразу видна Красная Поляна. Оттуда до Москвы ходила дрезина. Красная Поляна – это был районный центр. Теперь Лобня выросла, а Красная Поляна затухла. Появился аэродром Шереметьево. А был когда-то военный. Между Лобней и станцией Марк на поле стояла батарея пушек, калибром примерно 100 мм. Штук 10 были направлены в сторону Красной Поляны, потому что ждали оттуда немцев. На самой станции Марк стоял бронепоезд, который дальше не мог пройти, потому что мосты через канал были взорваны. Охранял, к Химкам не давал немцам пройти, обстреливал. Но это символический бронепоезд, примитивный. Пушки на колесах, но не на платформах. Корабельных пушек не было, откуда им взяться. В то время мы доезжали до Лианозова, а оттуда на такси до Тимирязевской академии. В Москву въезд был запрещен, но у нас были пропуска. С академии на трамвае дальше.

Разные воспоминания... Я, когда демобилизовался, пришел в деревню, из мужиков – один калека.

Вот говорят, дескать, немцы дошли до Красной Поляны и уже видели Москву. Ничего подобного. С Красной Поляны Москву не видно. Теперь высотные дома – не увидишь, а в то время их не было. До Москвы еще 30 километров.

Не хотелось идти добровольцем в армию?

Меня забрали в военкомат, там поработал месяц. Район по-старому назывался Краснополянский. Потом работал в совхозе «Марфино». Затем снова забрали в военкомат, не дали там поработать.

В район Белого Раста прибыли морские части. В основном морская пехота Тихоокеанского флота. Меня выселили из двухэтажного дома, в котором я жил, в комнату, а в доме сделали госпиталь. Из Белого Раста привозили раненых. Помню, у нас стояло два танка Т-34. Нам, пацанам, интересно. Давай, в танк залезем, а вдруг там есть какая-то аппаратура. Конечно, у всех нас были горы снарядов, оружия. Несколько моих одноклассников подорвалось на минах, которые были расставлены по дороге до «Марфино». Вся дорога была минирована. Поезда не ходили. Никакой советской власти не было. Все раздали народу.

В этот период бандиты были?

Нет. Безвластие, но тем не менее бандитов не было. Это все равно что у нас на корабле не знали, что такое дедовщина. Все были друзьями. Один пулеметчик вообще был вор-рецидивист. Его пошлют в город с чайником без увольнения, где-то что-то сопрет и раз – в чайник. Потом подкармливает нас из этого чайника.

Было такое, что расхватывали из магазина продукты. Забирали все, чтобы не досталось немцам. А что там забирать-то? Все давали по карточкам. Муку, перловку... керосина не было.

Первая зима голодная была?

Да, голодная. Во-первых, ввели карточки. Школьникам давали иждивенческие карточки. Отец получал карточку служащего, а не рабочего. Хлеб был, пальмовое масло, жмых. Делали лепешки из жмыха. В Дмитрове была толкучка. Как добирались? Мосты-то через канал были взорваны. Но это уже тогда, когда немцев отогнали. Кое-как перебивались. Потом меня прикрепили к военкомату. Еще кое-что доставалось.

В армию забрали с первого курса, осенью 1942 года. Получил две буханки хлеба в Лобне, пару селедок и в эшелон. Наш эшелон отправили из Лобни в Москву. День простояли на Курском вокзале, а потом приехали в Орехово-Зуево. Там нас всех постригли наголо и опять погрузили в этот же эшелон и повезли обратно. Видим – опять по Савеловской дороге едем. Я нашел какой-то камень, завернул его в бумагу, на которой написал для отца записку: «Нас везут на север». Ввиду того, что Ленинград был в блокаде, железная дорога Москва – Ленинград была перерезана, нас везли окружным путем через Ярославль и Вологду к Ладожскому озеру. Привезли, выгрузили из эшелона. Ночью на рыбацкой шаланде перевезли через Ладогу в Питер. Сначала разместились в казарме первого флотского экипажа на площади Труда. Через два-три дня нас перевели в другую казарму. Там нас переодели в сухопутное – гимнастерка, галифе, обмотки, ботинки, шинельюшку, шапку. Это уже ноябрь. Прохладненько было. Повезли в Кронштадт.

На Балтике (это мое мнение) в основном воевали небольшие корабли – подводные лодки, торпедные катера, потому что часть кораблей была потеряна, когда уходил наш флот из Таллина. Все основные корабли, конечно, стояли в Питере – знаменитый крейсер «Киров», «Максим Горький», «Октябрина», все это там. В Кронштадте в основном эсминцы стояли и мелкота наша.

Меня сначала определили в школу связи. Четыре года назад ездил туда... Кронштадт, как некоторые наши заброшенные подмосковные города, весь облупленный, денег нет, казармы старые, как были двухэтажные и трехэтажные, так и остались.

Проучился я в школе связи примерно 3 месяца на корабельного электрика, хотя ходил в обмотках. Научили слесарному делу, устройству двигателей, электроустройству. Это было полезно и потом пригодилось. Определили на Ораниенбаумский плацдарм на бронепоезд – будете там электриком. Бронепоезд ходил между Красной Горкой и Серой Лошадью и до Ораниенбаума, а уже в Петергофе были немцы...

Прибыл туда, а оказалось, что электрики не нужны. Перевели в другую школу учиться на сигнальщика. Тут уже переодели в морскую форму. Пять месяцев обучали сигнальному делу – азбука Морзе, флаги расцветивания.

Когда мы учились в этих школах, когда оставались зимой в Кронштадте, мы охраняли Кронштадт. Ходили в караул каждую ночь, правда, не каждый день. Через два дня менялись. Вокруг всего острова Кронштадт на льду выставлялись караулы. Мы одевались в валенки, теплые портянки, ватные брюки, ватник, полушубок. А сверху еще белый комбинезон или куртку с капюшоном. Давали две боевые гранаты в руки, винтовку с патронами. Никто не спрашивал, принимал ты присягу или нет, и выставляли на лед. Ничего не боялись, особенно когда теплая погода. На льду воды полно, а тебе лежать, только лежать и ждать, когда придет разводящий. Но никто не простужался. Придешь – налью тебе фронтные 100 грамм.

На льду – это примерно полкилометра от берега Кронштадта в сторону Петергофа и Финляндии, везде были патрули. Были сделаны домики чуть побольше дачного туалета и маленькая печка на полозьях, которую сами матросы тянули и толкали. Можно было погреться.

Примерно в мае 1943 года обучение закончилось, и нас порасписали по кораблям, некоторых из моих однокашников направили даже на крейсера. Меня направили в истребительный отряд. Это такое подразделение, вроде дивизии катеров, которое в основном занималось охраной водного района. В нем находилось примерно десяток дивизионов морских охотников. На один из морских охотников я и попал. На морском охотнике ночью уже отправили в Питер, где перевели на другой корабль. База морских охотников в Питере находилась на Васильевском острове, Уральская улица, 19. Когда-то, еще до войны, там была база таких же охотников, но пограничных катеров. Охрана водного района – это, по сути, то же, что и охрана границы.

Днем мы спали, а ночью уходили в море охранять весь Финский залив от устья до Петербурга. Следили, чтобы немцы разведку не забросили. На дне залива лежали три или четыре

потопленных эсминца и торговые суда. Один потопленный корабль стоял с мукой и хлебом. А что значит в блокаду мука?! Оказывается, мука в мешках не мокнет. Моряки – народ ушлый. Аквалангов в то время не было – скрутят вместе несколько трубок от противогаза и ныряют. Вот так доставали пропитание. Только боялись, что вдруг немцы туда тоже за мукой приплывут и достанут пропитание. Иногда ночное дежурство выходило и на пользу.

Что значит быть сигнальщиком? Сигнальщик – глаза и уши корабля. Ты на самом верху стоишь на мостике рядом с командиром и рулевым, а на больших кораблях ты вообще черти где, на башне с дальномером. Морской охотник – это деревянный катер, 30 человек команда, 3 мощных авиационных двигателя. На моем катере изначально стояли авиационные двигатели, но ввиду того, что в блокадном Ленинграде бензина было мало, поставили двигатели с Кировского завода от танка, дизельные. Чем они хороши? Особенно в осеннее, холодное время их не надо прогревать – дизель легко запускался, но зато он был слышен, наверное, за 10 миль. Как трактор ревел! Хотя и на кораблях у нас было оборудование, позволявшее направлять выхлоп в воду, когда надо, и идти так, чтобы тебя не слышали. Вооружен был катер двумя пушками. На катерах Б-3 стояли зенитные пушки, 37-мм. Но основное оружие нашего морского охотника не пушки и не пулеметы, а глубинные бомбы. Его предназначение – борьба с подводными лодками.

У Вас МО-4 или МО-2?

В основном МО-4. Но были и старые МО-2. На Волге возле Казани был судостроительный завод, который строил эти катера, – ничего особого, две пушки, два крупнокалиберных пулемета, крупные бомбы по 100 килограммов. На других катерах были поменьше, по 50 килограммов. И, конечно, акустическая аппаратура. Потом их переоборудовали, сделали камбуз в носовом отделении. Затем его ликвидировали и сделали галюн. А так не на всех он был – за борт садились на привальный брус. А на ходу попробуй удержаться. Сбоку есть такое бревно, чтобы борт не протирало, когда тебя волна валит или качает. На него сел, за леера взялся и сидишь.

Туалетная бумага была?

Где там! В лучших гостиницах Питера «Астории», «Ленинградской» газетку порвут иностранцам! А тут – матросам... С собой возьмешь газетку. Если на привальном бруске, то можешь водичкой подмыться.

Началась служба в 1943 году в звании старшина первой статьи. Весь 1943 год я был в море или там, где была наша основная база типа форта, построенного Петром I, – большая гавань, где умещалось 20–30 катеров. Защита от волн, удобно и хорошо. На базе была столовая, продуктовые пункты. Уже ничего в камбузах не варили, ходили на берег поесть. Сделали вместо камбуза туалет.

Какая-та женщина, корреспондент газеты военно-морского флота, говорит, мол, хочу пойти с вами в море, в дозор. Дали ей каюту. Что значит в дозоре стоять? Это качка. Глушат мотор, катер стоит, качается туда-сюда. Если уж на больших пассажирских лайнерах укачивает. Мы-то уже приспособились. У боцмана всегда была хорошая сухая копченая колбаса, такая солененькая, он пару кусочков отрежет, даст пососать и не тошнит. Журналистку укачало, где уж тут писать заметку. Ей надо в туалет, а в галюн надо спуститься по узенькому трапу. Унитаз на катерах – это насос, сделанный особым способом. А она же ничего не умеет. И кругом одни мужики. Говорим более пожилому, иди, полезай с ней, нечего стесняться. Потом вроде оправилась, написала что-то.

Летом стояли в бухтах в Финском заливе с южной стороны. С северной были финны. Выборг был занят. У Красной Горки была такая батарейная бухта. Там всегда дежурили три торпедных катера и три наших морских охотника. На вышках сидели женщины-морячки и

наблюдали за морем. В бухте была база – землянка для старшего морского начальника, на берегах установлены батареи. Там солдатики, артиллеристы на всякий случай. Позавтракали и спать. Вахта идет, дежурные стоят. Были и налеты немцев, тогда объявляли тревогу. «Воздух! Воздух!» Они начнут или бомбить, или обстреливать. А что значит морской охотник? Куда спрячешься? Там брезентовый обвес и спереди щиток, как ветровое стекло у автомашины. Но ты же на самом верху. Журналисты расписали, что я проявил мужество и храбрость при этих обстрелах. Это их право. Вот так и дежурили все лето.

Белыми ночами ходили?

А как же. Это и хорошо, тот же день – тепло, светло, и мухи не кусают. Как всегда, по ночам сидим, байки травим, спать никто не хочет.

Был такой случай, уже когда Финляндия вышла из войны. Где-то в июне, белые ночи, хорошо, качки нет. Приходим, заглушаем моторы и акустик слушает, а вдруг подводные лодки или что-то еще. У нас акустический аппарат – длинный такой раструб, труба уходит в воду, аппаратура, связист сидит в наушниках и слушает. У каждого свой район примерно в миле друг от друга. Весь Финский залив, Ленинградскую губу переграждали. На помощь нам приходили катера, маленькие такие тральщики. Катер-малютка – там всего один мотор ЗИЛ стоял, человек 7 команда. Командовал старшина первой статьи. Был один катер даже женский. Все хохмили, баба командует катером. Ну, конечно, у них рация была слабенькая, акустики не было.

Так вот, белые ночи, Финляндия уже вышла из войны. С нашей стороны Красной Горки был какой-то аэродром, еще немцы кругом там стоят. Вдруг летит наш обычный «кукурузник». Белые ночи, он нас видит, и мы его видим. Летит над нами. Мы ему помахали. Начал показывать фигуры пилотажа, над нами кружиться и задел колесами воду. У летчика был спасательный жилет, который надувается при попадании в воду от порошка. Сидит он на хвосте, а весь самолет в воде. Мы его подобрали. Оказывается, полетел в самоволку. У летчиков свои причуды были. Говорит, послали меня в Финляндию за картошкой. В Кронштадт мы, конечно, сообщили. Не стали говорить, что он над нами кружил. Нам благодарность. Может, механику и втык был, что, дескать, отказал мотор. Хотя он сам задел колесами.

С немцами были стычки?

Были. Друг в друга стреляли. Когда возвращались на базу, хоронили погибших по морскому обычаю – к ногам привязывали колосник, записывали в вахтенный журнал. Но наш катер не попадался. Зато были обстрелы. Особенно много нашему катеру доставалось при сопровождении караванов, они ходили почти каждую ночь из Кронштадта в Питер и обратно. Там было еще два острова: один достаточно большой, заросший лесом – база, там и орудия стояли. Укрывались лодки в бухтах. Вот их снабжали и продуктами, и живой силой, и подводные лодки выводили в этом же караване. Они где-то собирались в Кронштадте, перед выходом из порта; впереди тральщики идут. Ночью темно, никто не видит. Мой катер дважды таранили. Один раз в самом Кронштадте на выходе налетел железный стотонник, тральщик, мне в бок. Успели развернуться. Пластыри подвели. Второй раз катер с огнями, лампочками на дно ушел. Но все успели выскочить. Это в Кроншлоте было – форт еще при Петре I так назывался.

Идет караван ночью. Тральщики за ними, две-три подводные лодки идут. У нас была разведка и у них была разведка – и немцы, и финны чуяли, что собирается караван. Мы доходили примерно до этой Красной Горки – этот царский еще форт строил Маннергейм, и начинается артиллерийская дуэль. И наши стараются туда стрелять, и те по нам, и прожектора со всех сторон. Вот тебе и темная осенняя ночь. Хорошо, что эти маленькие катера нас спасали. На них была специальная аппаратура, ставили дымовую завесу. Те прожекторами не могут поймать. Не очень приятно, когда твой катер освещают со всех сторон прожекторами.

Потери на катере были?

Нет. Наоборот после войны были потери, не боевые. Зимой наши катера поднимают, в Кронштадте на базе ставят на берег и ремонтируют. Моторы перебрать, починить, где что-то порезало льдом, когда возвращаешься осенью. Например, у меня так было с моим катером, но уже после войны. В 1946 году я возвращался с Финского залива в Ленинград, осенью, уже лед. Мы шли за буксиром. Как сейчас помню, это было 19 ноября, в День артиллерии. А в то время еще любили шумно встречать праздники – прожектора, пушки, карусели. Отменяли карточки, продавали сладкое. На набережной танцуют, оркестр играет, а мы тонем прямо напротив памятника «Медный всадник». Что делать? Хорошо, что зимнее утро, стоял ледокол «Ермак». Мы кое-как до него добрались...

А зимой с 1943 на 1944 год, значит, опять в Ленинград. В предыдущую зиму я учился в школе связи, а потом в объединенной школе. Кстати, там очень много было девушек, тоже из Москвы. Одна даже моя одноклассница с Луговой училась на радистку. Кормили в учебном отряде не очень. Потом уже, когда перешли на катера, все-таки было морское довольствие. И белый хлеб был. Колбаска, американские консервы, сало или масло.

Блокаду не чувствовали?

Нет. С 1942 по 1943 год был в Кронштадте. Девчонки устроили елку. Конечно, никаких лампочек не было. Когда я еще учился на электрика, нас на практику посылали на Кронштадтскую ТЭС, теплоэлектростанцию. Она была на мазуте, турбина. На ней работал гражданский персонал. Мы пришли – ой, мальчики, идите в котельную, поспите, там тепло. Такие сердобольные. Где кусочек хлеба туда прихватишь, картошку. У нас картошка была, а у них-то не было, поддерживали их. Поэтому они к нам хорошо относились. Также встречали Новый год. Потом, уже на следующий год, когда нам и гвардию присвоили, уже в Ленинграде, хорошую елку ставили, танцы, девчонок приглашали в казармы. Это с 1943 по 1944 год. Блокаду уже прорвали, было легче, но все равно обстреливали Ленинград, Кронштадт. В Кронштадте, когда ночью обстрел, спускались на первый этаж. Так же и в Питере. Так что устраивали танцульки. Зимой не тот паек, что на кораблях, но не бедствовали, это я скажу прямо. В Питере в 1942 году уже ходили трамваи. Но дома не отапливались. Нас посылали в Лесной район, где Пискаревское кладбище, разбирать деревянные дома. Ходил трамвай с платформой, мы туда грузили бревна. Во время войны почти не пускали в увольнительную, но вырывались, ходили в самоволку. На катерах у нас и спирт давали. Я уже говорил, бензина не хватало, и додумались разбавлять бензин чистым спиртом. А механики тоже не дураки. Две цистерны смешанные, а одна чистенькая, оттуда отливали по рюмочке.

Командир катера был своеобразным мужиком. Когда мы возвращались в Питер, он на полном ходу влетел под мост лейтенанта Шмидта. Поддатый был. Я, конечно, с мостика пролетел к пушке, здорово ударился. Его разжаловали, а потом снова восстановили. Когда война закончилась, всех награждали. А он упрямый был, никого из нас не награждал, считал, что не за что. «Вас как награждать? – ему говорят. – У вас матросы не награждены. За что вам? Вот если бы они были награждены, тогда и вам положено». Второй год службы прошел частично в этой батареевской бухте. Вот там как раз и началась знаменитая эпопея, когда немецкая подводная лодка потопила два наших катера, 107-й и 105-й, как раз с моего первого гвардейского дивизиона. Нам еще в феврале присвоили гвардейское звание. В то время еще модно было на коленях вручать бескозырки, гвардейские знаки.

Я уже был свидетелем, когда ее поднимали. Водолазы спустились, подняли ее ночью. Наш катер сопровождал ее до Кронштадта. Немцы еще тут были. Надо было проплыть...

Меня спрашивают: «Скажите, сколько вы немцев убили»? Ни одного. Я у пулемета или пушки не стоял, был сигнальщиком. Механик стоял у мотора, радист сидел в радиорубке. У каждого своя работа.

Зимой 1944–1945 годов Вас не перебросили в Таллин?

Нет. Нас восстановили в пограничниках, и мы потеряли гвардейское звание. У меня было в удостоверении записано: гвардии верить. Я оканчивал институт 5 лет. Кто учился в военных институтах, гвардия сохранялась. Опять работа та же самая. На ночь ходили на границу. Некоторые, с кем я служил, были пограничниками и до войны. Старослужащие. У нас было два таких катера в гвардейском дивизионе, которые были когда-то на Чудском озере, на границе с Эстонией.

Вас к высадке десанта не привлекали?

Часто привлекали для высадки разведки, особенно на финский берег. Ночью туда ходишь, заглушаешь моторы. Надо незаметно дойти до берега. Обычно разведчики в гражданской одежде, сидят на маленьких надувных лодочках и уходят туда. Через условленное время мы их забираем. Были случаи, когда не возвращались. Приходят, ждут, ждут нас, волны, ветер, лодочка перевернется, вылавливаешь только трупы. И такое бывало.

Чтобы выявить финские артиллерийские установки на том берегу, наши два катера подходили к финскому берегу, провоцировали их. Обстрел. Получаешь, конечно, двадцать снарядов с той стороны. А куда уйти? Есть или нет огневые точки. Слава богу, нам не попадало.

Как мылись?

На кораблях бани нет. Договаривались с эсминцами, буксирами, у которых были топки и горячая вода. Намоешься, а на палубу надо выходить босиком. А палуба-то железная. Прелести морские. Летом купаешься, бани никакой не надо. В блокадном Ленинграде бани всегда были.

1942 год. Уже полегче. Школа связи. Девчонок было много. Пошел я последним из своего взвода в баню. Шайки там, моюсь. Гляжу, взвод девок. А я там голенький. Они смеются. Мирно разошлись.

На флоте вши были?

Не помню. Были проверки, медики. Вши могли быть в пехоте.

Зимой 1944–1945 годов вы опять на ремонте?

Да. На ремонте в Ленинграде. Опять елка. Условия были еще лучше. В 1945 году началась пограничная служба. Сделали новые погоны с зеленой окантовкой. Ленточки заменили на погранохрану. Да еще НКВД было написано.

Лубенцов Александр Григорьевич

Я родился 30 апреля 1922 года в с. Ленинское Ленинского района Крымской АССР. Отец в 1928 году переехал в Керчь, и работал сначала железобетонщиком, затем прорабом на металлургическом заводе имени Петра Лазаревича Войкова, это предприятие тогда только подни-

малось, и проводились большие строительные работы. Мы жили в Керчи, я в 1928 году пошел в первый класс, а затем мы переехали в сельскую местность. Дело в том, что в начале 1930-х годов появилось движение «двадцатипяти тысячников», и после годичного обучения на специальных курсах отец с товарищами были направлены на должности председателей колхозов и совхозов с целью подъема сельского хозяйства. И он работал в Ленинском районе. Коллективизация в Крыму встречала сильное сопротивление, долгое время единоличники ни за что не хотели вступать в колхозы. Всякое случалось, но в своем большинстве люди вступали в коллективные хозяйства. Но все равно единицы, у которых отбирали земли и излишки зерна, не хотели принимать участие в обобществлении. Что уж говорить, привыкли люди жить и работать по старинке. Когда отец поднял первый колхоз, его перебросили в следующий. Затем мы переехали в поселок Ислям-Терек (ныне Кировское), где отец работал управделами райисполкома. Мы там три года жили, я учился в местной школе. А в конце 1937 года снова перебрались в Феодосию, здесь, окончив семь классов, я пошел работать на завод. Это было военное предприятие, на котором выпускали торпеды, ныне это поселок Орджоникидзе, в 14 километрах от Феодосии. Мы называли его «Двужкорный». На заводе была система пропусков, очень строгая. Сначала работал в отделе подготовки кадров, затем стал учеником слесаря. Трудился во фрезерном цеху, присвоили сначала первый разряд, а в 1940-м году уже работал по 4-му. Зарабатывал хорошо, платили на военном заводе прилично. Получал где-то до 1 000 рублей в месяц. Старые рабочие зарабатывали 1 100-1 200 рублей. К примеру, отец у меня имел месячную зарплату в 500 рублей, мать была домохозяйкой, так что я помогал содержать семью. В 1941 году началась Великая Отечественная война. 22 июня было воскресенье, по радио все услышали о вероломном нападении Германии. Честно говоря, мы не ожидали войны, нас успокоило сообщение ТАСС, опубликованное в «Известиях» 14 июня 1941 года. После него все решили, что в ближайшее время вооруженного столкновения удастся избежать. Так что неожиданно было. Мы услышали эту страшную новость дома, так как имели редкую по тем временам вещь – домашний приемник. А так на улицах на столбах были размещены большие радиорупоры, и тысячи людей собирались возле них и слушали, затаив дыхание. В общем, чувство тяжелое испытывали, и хотя мы были моложе, но все равно как какие-то черные тучи собрались в голове. А пожилые, которые не понаслышке знали, каково воевать с немцами, сразу как-то нахмурились, стали не такие общительные, как обычно, в общем, радость исчезла. Появилась озабоченность. У нас сразу же пошла мобилизация, и нас, молодых рабочих, оставили, а вот слесарей в возрасте на заводе мобилизовали. Мы же получили «бронь». В общем, меня забрали в армию, когда уже Одесса оборонялась, а немцы рвались к Крыму. Мобилизовали 19 августа 1941 года. В этот день повестка пришла домой, а следующей ночью Феодосию первый раз на моей памяти бомбили. Прихода немцев в нашей семье опасались, все уже знали, что это такое, мать с тремя детьми эвакуировалась, потому что отец был коммунистом и старшим лейтенантом запаса, в народе же пошли разговоры о том, что семьи коммунистов и военных арестовывают и расстреливают. Так что мать с двумя сестрами, 1926 и 1928 годов рождения, и моим маленьким братиком, родившимся в апреле 1941 года, переехала на Кубань, а затем находилась в Узбекской ССР и Казахской ССР. Всю войну проработала с сестрами в колхозе.

Нас, 18-19-летних ребят 1922-1923-х годов рождения, направили в Керчь. Здесь в батальоне призывников всех ожидало ускоренное обучение в Камыш-Буруне. Многие из нас имели допризывную подготовку, я, например, весьма хорошо стрелял, ведь тиры стояли на каждом углу, а у меня деньги с собой всегда имелись. Так что по стрельбе у меня все на «отлично» проходило, учились штыковой атаке и по-пластунски ползали, стояли часовыми. После того, как мы прошли эти курсы молодого бойца, всех распределили по частям. Я же как-то сразу сдружился с Колей Шульженко из Симферополя, того же 1922 года рождения, да еще и день рождения у него был 20 апреля. Как-то прикипели друг к другу, на фронте иначе нельзя было. Нас вместе направили в Керченскую военно-морскую базу на катера-сейнеры, на Военно-морской

флот. Мы получили флотское обмундирование на складе в Керчи. Но пробыли всего несколько дней на катере, и тут потребовались моряки для обороны Одессы. В Керчи же находилась 68-я зенитная артиллерийская батарея ПВО Черноморского флота, вооруженная 76-мм зенитными пушками образца 1931 года 3-К, оттуда всех старослужащих отправили под Одессу, а нас, молодых моряков, направили на зенитные орудия. Стояли мы на горе Митридат, на стационарных позициях. Я стал заряжающим на втором орудии, а мой друг Коля был заряжающим на третьей пушке. И первый налет вражеской авиации встретили 27 октября 1941 года, на нас налетели двухмоторные Ю-88. Их было всего шесть самолетов, но налетели они неожиданно со стороны моря. В дальнейшем немцы всегда так делали, хитро себя вели. Как раз в это время в порту грузилось какое-то большое судно, оно и стало объектом нападения. Вражеская разведка хорошо работала. Самолеты начали бомбить порт и в итоге серьезно повредили этот корабль, у него взорвался котел, и судно затонуло. В общем, наделали много беды, а рядом в Багерово находился аэродром, но ни один наш самолет не взлетел. Мы открыли шквальный огонь, и, по всей видимости, наша батарея сильно им досаждала, ведь наша стрельба была меткой, били прицельно. Один вражеский самолет отошел от группы и налетел на нашу батарею, и каждое орудие вело огонь самостоятельно, а мы не стали стрелять сразу же, наводчик ждал приказа командира орудия, и вот старшина крикнул: «По вражескому самолету огонь!». Наша стрельба оказалась самой меткой, мы подбили этого немца, он не добросил бомбу до позиций батареи, причем это была очень мощная авиабомба, потому что мы потом ходили к огромной воронке, так что немец смог бы и здание в несколько этажей подорвать. Нашу гору Митридат всю затрясло, когда эта бомба разорвалась. Немецкий же самолет задымил, к тому времени все враги отбомбились и улетели, он с ними. Что с тем подбитым немцем дальше было, кто его знает.

После этого налета немцы начали бомбить Керчь каждый день, атаковало до 28 самолетов, иногда и меньше. Были ли у нас еще подбитые цели? Кто знает, первого мы точно подбили, и дальше стреляли, бывало, что задымил какой-то враг, но кто его подбил, не знаю, ведь в Керчи располагались четыре зенитные артиллерийские батареи противовоздушной обороны, стоявших на охране военноморской базы. Но больше у нашего орудия явных успехов не имелось. Когда немцы прорвали фронт на Перекопе, нашу батарею демонтировали, погрузили на баржу и переправили на Таманский полуостров. Там мы стояли на каком-то кургане. Вскоре прошел слух о том, что будут высаживать морской десант в Керчь. И мы пронюхали это дело, я с товарищем Николаем. И добровольно пошли в отдел кадров Керченской военно-морской базы, которой командовал контр-адмирал Александр Сергеевич Фролов. Подали заявления, и нас перевели во флотский полуэкипаж, начали активно готовиться к десантированию, прыгали с судов и бегали по берегу. В ночь с 25 на 26 декабря 1941 года весь наш флотский полуэкипаж в первом эшелоне высаживался по всему Керченскому проливу.

Наша группа, двадцать два десантника, высаживалась в Камыш-Буруне. Командовал нами старший лейтенант Гасилин, комиссаром являлся лейтенант Степанов. На складе выдали продуктов на три дня, а про боеприпасы сказали одно: «Берите, кто сколько унесет». Каждый понабирал полный вещмешок гранат Ф-1, по две бутылки с зажигательной смесью для борьбы с танками и в досталь патронов к винтовкам, у нескольких десантников имелись автоматы. Сели на торпедный катер. Со мной был мой товарищ Коля Шульженко, на флоте вообще поощрялось, когда друзья держались вместе. Когда нас как-то хотели разъединить, то мы сразу же выразили протест, и вообще держались друг друга. В море было множество катеров, началась большая десантная операция. В Керченском проливе штормило, было до шести баллов, и когда мы вышли в море, палубу буквально заливало. Как скорлупку нас бросало из стороны в сторону, я сидел на торпедной палубе, плащ-палатками закрывались, но не сильно помогало, так что пока 22 километра прошли по морю, вымокли до нитки. При этом, хотел бы подчеркнуть, мы шли освобождать нашу землю, поэтому дух в каждом был сильный, настроение очень боевое, геро-

ическое. И когда мы подошли к берегу, то высадились на Камыш-Бурунский пляж, неподалеку от которого располагалась пристань. Мне никогда не забыть момент высадки на берег. Торпедный катер носом буквально уткнулся в мелководе, большие волны перекатывались через борт. Мы стали прыгать прямо в воду, было мелко. И тут откуда-то сбоку ударил вражеский пулемет, тогда командир катера командовал: «Все за борт, полный назад!» Я еще оставался на борту, посмотрел, волна накатывает на берег, винтовку и боеприпасы поднял над собой и прыгнул в воду. Вышли на берег, тут же упали на землю. Но немцы нас не обнаружили, потому что повсюду летали наши самолеты-кукурузники и сбрасывали бомбы на вражеские позиции, торпедный катер издавал такой гул, что он сильно напоминал авиационный, и его приняли за самолет. В результате мы внезапно двинулись вперед и освободили пристань. Захватили кучи угля и разгрузочные краны, причем командир топал впереди, а мы с Колей шли последними в группе. И Гасилин нам определил позицию на одной из куч угля, приказав: «Лубенцов и Шульженко, будете здесь обороняться». Так что мы засели около моря, легли с Колей, вокруг камыши. Из сапог повыливали воду. Основная часть нашей группы расположилась в рабочем депо. Рассвело, утром немецкая разведка появилась, мы ее встретили. Они же не знали, что мы тут засели, хотя передвигались настороженно. Сразу же открыли огонь на поражение, одного врага взяли в плен, остальные отошли. 26 декабря враги предприняли первую атаку, затем вторую и третью. Откровенно говоря, нас спасли гранаты Ф-1, потому что ружейный огонь небольшой группы был не очень эффективен. Ночью, вопреки немецкой привычке, нас пытались сбить с позиций, а 27 декабря атаки повторялись и повторялись. Уж и не помню, когда случилось затишье, казалось, что бои идут непрерывно. А 28 декабря рано утром к нам про-рвался сейнер, мне командир кричит, чтобы я принимал конец к тумбам из чугуна на пристани. Немцы постреливают, потому что корабль видно хорошо. Около пристани один из матросов вышел к борту, здесь уже не стреляли. Этот моряк бросил мне трос, я поймал его конец и набросил на тумбу. После причаливания стали выходить солдаты из кубриков – носового и кормового, это была стрелковая рота 302-й стрелковой дивизии. И здесь уже поддержка большая, у них имелось два «Максима», ручные пулеметы, а также ротные 50-мм минометы. Наш боевой дух поднялся, ведь в группе больше половины личного состава к тому времени вышло из строя. Мы уже ни на что не надеялись до прибытия подкрепления. И вместе с пехотой мы еще 28 декабря бились. В этот день к нам пробивалась баржа с частями артиллерийского полка. Ее тащил буксир, но почему-то делали все на виду, поэтому немцы сначала расстреляли в упор буксир, а затем пришел черед баржи. Ни один человек не спасся, ведь там даже лодок не имелось, и немцы прицельно расстреливали людей в воде.

29 декабря все резко стихло. Вражеские атаки прекратились. Мы еще не знали, что в это время в тылу немцев успешно проходила десантная операция по освобождению Феодосии. Поэтому противник в ночь с 29 на 30 декабря поспешно ушел из Керчи. Мы продолжали держать оборону на пристани, ведь за этот клочок побережья солдат немало полегло. Командир и комиссар нашей группы погибли. Там, на берегу, они остались навсегда. После отступления врага свое значение причал потерял, и мы пробились на Камыш-Бурунскую косу, там наши товарищи из десанта с разбитых катеров и барж заняли оборону. И когда мы туда подошли, то увидели вокруг небольшие низкие свинюшники с закрытыми окнами. Я и Николай, с нами еще несколько десантников, смотрим, в зданиях костры горят. Это было вечером, люди сушатся. Смотрю, у одного из них на груди Орден Красной Звезды, хотя позже я читал, что этот человек орден получил только после освобождения Керчи, но точно помню, что видел награду на его груди в ту ночь. Оказалось, что это комиссар Калинин, впоследствии ставший посмертно Героем Советского Союза. Встретил нас капитан 3-го ранга Студеничников, провел к костру и сказал ребятам у него: «А ну, раздвиньтесь! Пропустите товарищей!». И мы втиснулись между десантниками, начали обсушиваться. Немножко отогрели ноги, у меня и Николая их хорошо подморозило. Вскоре к костру подошел Калинин, и сказал: «Моряки, кто

пойдет со мной в разведку в город Керчь». Мы вызвались. Всего собралось пятнадцать человек моряков и три солдата. Вышли в ночь на 30 декабря. Шли настороженно, прямо как опытные разведчики, несколько человек впереди, оглядываемся по сторонам и выискиваем немцев. А их нигде нет, весь Камыш-Бурун прошли, двигаемся дальше к городу. Комиссар предложил зайти в крепость, думал, что, возможно, противник там спрятался. Мы туда повернули, подошли, обошли сильные проволочные заграждения. Двинулись к вышке, она пустая, никого нет, а ветер северный стоял, и снег шел, где-то до десяти градусов мороза, не меньше. Залезли на вышку, внизу свирепствует ветер, а наверху тихо, когда посмотрели вниз, то увидели, что снег тихо падает. Крикнули по-немецки, чтобы убедиться, есть враги или нет, мы же в школе язык изучали. Нет никаких откликов. В итоге вышли из крепости и снова пошли к Керчи. Зашли в Солдатскую слободку, там нас около третьего дома слева по улице встретил один старичок. Спрашиваем его, где же враг. Он не знает, куда делись немцы, приглашает нас к себе в дом: «Сынки, я вас чаем напою!». Но комиссар наотрез отказался – некогда, мы пойдем в город. Настороженно подошли к окраине Керчи, встали, осмотрелись, нигде никого и ничего. Двинулись дальше, одна часть группы по левой стороне улицы, другая по правой. Подошли к городскому музею, там внутри свет горел. Постучали, свет потух, но никто не открыл. Спрашиваем через дверь: «Немцы в городе?». Нам тихо ответили: «Мы не знаем». Люди были сильно запуганы и сидели по домам. Подошли к штабу военно-морского флота, это было шесть часов утра 30 декабря. Комиссар Калинин построил нас, поздравил с освобождением города, так как мы поняли, что немцев здесь уже нет. Решили мы преследовать немцев. А они оставили много тягловых лошадей, першеронов. Трех ребят с обмороженными ногами мы оставили здесь, и Колю в том числе, а мы, пятнадцать человек, кинулись преследовать врага. По трассе двинулись. Где-то догнали обоз, расстреляли немцев и оттуда до какой-то пристани на Черном море добрались, думали, может быть, там еще немцы засели. Издалека видели какие-то корабли – вдруг враг как раз погружается. Но когда подошли туда, оказалось, что ни немцев, ни кораблей не было. Оттуда развернулись и пошли в сторону Керчи, точнее, к Камыш-Буруну. По южной стороне двинулись, навстречу резкий ветер, да еще и мороз сквозь одежду пробирает. В общем, обморозились у всех уши, лицо бороды спасли, а шапки в рюкзаках лежали, ведь мы как матросы форсили в бескозырках. Когда подошли к селу Ивановка, местные женщины нам оттирали уши, они нас встречали великолепно. Каждого растопленным жиром согрели, и довольные накормили. Мы вернулись к штабу военно-морского флота, и когда зашли туда, то увидели, что оккупанты готовились встречать Новый 1942 год. У них на столах десятилитровыми бутылками стоял ямайский ром. В общем, что там у них только не было, а мы страшно голодные. Набросились, даже не думали, что еда может быть отравлена. Впоследствии немцы так и делали, травили еду, как мне рассказывали товарищи. В Керчи уже повсюду стояли наши части. Нас, флотский полуэкипаж, оставили на охрану города, я еще несколько дней пролежал в госпитале с обморожением. В моей палате находилось много раненных моряков 83-й отдельной бригады морской пехоты. У них была тяжелая высадка, сильный шторм встретил десантников. Но они все-таки высадились и захватили немецкую батарею. 30 декабря эти ребята также в Керчь зашли. После выздоровления я и Николай, мой друг, вернулись во флотский полуэкипаж, наших здесь много повыбило. Когда штаб Керченской военно-морской базы переехал в освобожденный город, всех выживших выстроили и стали читать по спискам, кто остался в живых. Постоянно звучали слова: «нет», «нет», «нет», потом кто-то один отзовется.

В это время наши войска постоянно предпринимали атаки на Крымском фронте, но все время действовали неудачно. В первые годы мы у немцев учились воевать.

Керчь бомбили все время. Во второй половине января 1942 года нас, моряков, водили на Багеровский ров, его уже отрыли от снега и земли, он был немножко присыпан снегом. И там сверху лежали отравленные дети. В общем, тысячи трупов, нас привели для того, чтобы показать, как немцы расстреливали людей и издевались над мирным населением. Запомнилось

мне это зрелище на всю жизнь. А в конце марта 1942 года при неудачном наступлении личный состав 83-й отдельной бригады морской пехоты выбило подчистую. Нельзя было воевать в сяк-коти. Угробили там бригаду, и она отступила в тыл на переформировку. Стояла под Семи Колодезями в степи. Ее нужно было срочно пополнять. Тогда нас из флотского полуэкипажа влили в состав бригады. Нас с Николаем зачислили в отдельную роту автоматчиков 83-й отдельной бригады морской пехоты. Учили десантироваться, при этом днем мы не занимались, потому что в воздухе постоянно летали вражеские самолеты и все вокруг бомбили. Мы днем спали, а также изучали матчасть, по ночам же все время в движении находились. Азовское море располагалось рядом, мы учились грузиться на катера и высаживаться на берег. Затем нам сообщили о том, что мы должны наступать, но немцы упредили нас, и 8 мая 1942 года прорвали оборону Крымского фронта. Противник устремился в тыл. Тогда нашу бригаду срочно подняли по тревоге, и за одну ночь форсированным маршем вышли на острие атаки немецких танков. Ночью враги обычно отдыхали, мы этим и воспользовались. К утру успели отрыть окопы в полный профиль. Нашу отдельную роту автоматчиков распределили по флангам между батальонами, и утром мы уже были готовы к бою. Артиллерия расположилась позади. Утром смотрим, идут с горы клином немецкие танки. Их было очень много. Они еще не вышли полностью из-за холма, как наша артиллерия открыла огонь, но они даже не завязли в наших порядках. Несколько танков было подбито, остальные же враги моментально влево повернули, обошли нас с фланга. Двинулись дальше в тыл. Над нами повисли немецкие бомбардировщики и пикировщики. Это был ужас, карусель в действии – одни прилетают, другие улетают. В общем, целый день они не давали нам возможности даже головы поднять. Сплошной дым стоял, ничего не видно. День-то солнечный был, тихий. Но солнце было похоже на то, которое видишь в затемненное стекло. Ничего не видно из-за дыма. Наши боевые порядки были нарушены, в тылу засела немецкая мотопехота, тогда мы решили прорываться из этого кольца. Один из батальонов бригады погиб в полном составе. До сих пор не знаю, где эта часть полегла и что с ребятами стало. А наши два батальона вместе с ротой автоматчиков ушли вправо. Вокруг все горело. Немецкие мотопехотинцы, следовавшие за танками, обстреливали нас из пулеметов, мы их поливали огнем из автоматов, бросали по вражеским бронемашинам бутылки с горючей жидкостью. Люди горели и бронемашины горели. Но мы вырвались из кольца, моего друга Николая там ранило, я его усадил на подводу. Здесь забегу вперед – когда обоз с ранеными к переправе подъехал, Колю на ту сторону пролива перевезли. Он выздоровел, участвовал в Новороссийской операции, был на Малой земле, затем уже в составе 255-й отдельной Таманской дважды Краснознаменной морской стрелковой бригады дошел до Болгарии.

А я остался под Керчью. Оборонялись, где только могли удержаться. Сражались под Семи Колодезями, под Багерово. Там горели склады, которые подожгли наши при отступлении, мы там продуктов набрали и вместе с какой-то группой солдат из 72-й Ставропольской казачьей кавалерийской дивизии отошли к Керчи. Здесь я встретил своего командира роты автоматчиков, старшего лейтенанта. Он нас увидел и заявил: «Будем оборонять Керчь!». Все обрадовались, расположились на позициях, а утром после бомбежки никого из командиров не стало. Мы с казаками вышли из окопов и двинулись к крепости. Там много ребят переправилось, здесь располагалась более-менее удобная переправа. Нас осталось пять моряков из отступающей группы. Отходили по улице Кирова. Пока подошли к порту, смотрю, женщины, дети, мальчишки и девчонки, жмутся к стенке. Спрашиваем, в чем дело. Говорят, что там продукты лежат на складах, накрытые брезентом, а солдаты не дают их забрать. Как это так, не дают, пошли туда. Только увидели склады, как тут же в море появился катер под контр-адмиральским флагом. На пристань выскочил сам Александр Сергеевич Фролов, первый раз его увидел. Спрашивает нас, в чем дело, мы объясняем, что немцы уже прорвались на окраины Керчи, а солдаты охраняют склады, которые уже не вывезти. Тогда контр-адмирал приказал какие можно продукты раздать, а остальные сжечь. Мы женщин подозвали и начали все раздавать.

Сами тоже хорошо отоварились. Пока дошли до Капкана, еще троих потеряли. Под металлургическим заводом имени Петра Лазаревича Войкова сражались, нас, моряков, два человека осталось: я и еще один парень, старослужащий, которого я называл дядя Саша. Он должен был демобилизоваться летом 1941 года, а тут война. Четыре года уже отслужил, пятый на исходе. И мы с ним оборонялись под Капканами, там какой-то майор отряд человек в 150 водил в атаку, мы с ними были. В общем, он собрал группу и говорит, что неподалеку на кургане засели немцы, не дают занять оборону, и мы сбили их атакой. Как посмотрел я с этого кургана, а на город сплошной линией идут немецкие танки и пехота.

Было прекрасно видно, что тех, кто из красноармейцев остался, они добивали, кого могли, в плен брали. Вижу, что наши уже организованного сопротивления не оказывали. Тогда мы курган оставили, справа смотрим, товарищи по отряду на палочках несут белые простыни и идут сдаваться в плен. Спасения никакого, тот старослужащий сказал единственное слово: «Все». К нашему великому счастью, на берегу моря в вымытых морем пещерах прятались люди, как солдаты, так и местные. И когда мы спустились туда, нам запомнился один старик, весь какой-то белый, он спрашивает: «Ну что, сынки?». Отвечаем: «Да вот, уже наши товарищи немцам сдаются, отвоевались». Тогда старик говорит: «А как же вы, ну-ка, снимайте бушлаты». Мы все сняли, дал он мне фуфайку, а товарищу костюм, мы вещмешки и автоматы в море побросали. В бескозырки камней накидали и тоже бросили в море. Одел я эту фуфайку, а под ней все флотское, форменное, вынужден был в мае месяце застегнуть ее по самое горло. Волосы нас спасли – нас же не стригли на флоте, как в пехоте. И слышим, уже немцы рядом что-то говорят, разбираем только одно: «Рус! Рус! Рус!». Тогда старик перекрестился, и заметил: «Ну все, сынки, пошли». С нами были две девушки из Керчи, хотели переправиться, но им это не удалось. Мы пошли возле девушек и идем как цивильные, потому что немцы отправляли гражданских в город, а солдат определяли в военнопленные. Подходим к городу, и тут одна девушка говорит, что ей налево, а второй надо направо. Остаемся вдвоем, уже никого нет, да еще и вечер наступает, а на каждом столбе написано, что за хождение по городу в комендантский час наказание одно – расстрел. У старослужащего родственников в Керчи не оказалось, и тогда я предложил пойти к знакомой девушке. Когда мы подошли к дому, ее мать как нас увидела, так чуть не упала. Говорит нам, что у них немец-офицер стоит с денщиком, они ушли куда-то в штаб, в любой момент могут вернуться, в случае чего и нас, и ее с дочерью расстреляют. Девушка же вышла к нам и успокаивает мать: «Мама, ничего не случится, я их запрячу». У них же во дворе стояли какие-то развалюхи, в которых они в хорошее время курей держали. И она нас куда-то вглубь этой развалюхи и запихнула. Я пообещал, что ночью мы уйдем, нам только бы воды, потому что на берегу мы пили одну морскую воду, другой не было. Она же нам еще и покушать принесла. Немножко привели себя в порядок. И ночью мы ушли, до сих пор не могу понять, как прошли, ведь в Керчи было очень много немцев, на каждом метре солдат стоял. Но мы как-то вышли. Я родом из Ленинского района, у меня там жили тетя и бабушка. Пришел к ним, целый день отлеживались, ведь всю ночь шли. В общем, побыли здесь некоторое время, и тут немцы пустили слух, что они старались разобщить народы, объявили – украинцы, не прячьтесь, открыто приходите, мы дадим вам пропуск, и вы поедете домой. Тогда этот старослужащий, родом из Украины, решил пойти к коменданту. На следующий день местные ребятишки прибежали к нам и рассказали, что дядя Саша оказался за проволокой. Моя тетя носила ему передачи. Через несколько дней их куда-то угнали, его дальнейшую судьбу я даже и не знаю. В селе Ленинское ничего нет, делать нечего, а у меня был друг, Саша Беспалов, он в Семи Колодезях жил, там была железная дорога, и, соответственно, сообщение. Я перебрался туда, пришел к нему, устроился на железную дорогу. Саша работал слесарем на МТС, его знакомая Мария стала служить переводчицей у немцев. Я же устроился стрелочником на железной дороге. Немцы деньги платили и даже какой-то паек давали. Жил на квартире у женщины Екатерины Ивановны, она с ребенком одна была. Но мы решили и дальше бороться с окку-

пантами, и с 22 сентября 1942 года считается, что мы создали в Семи Колодезях подпольную организацию, в которую входили я, Саша Беспалов, Евгения Иванова, дежурная по станции, Александра Чкалова. Потом в группу вошла Сашина мать, Евгения Александровна Беспалова, и еще многие, в том числе Галя Перемещенко, Строгановы, Сеня Сагайдак, Деревянко с сестрой, Надежда Великая.

Но в большинстве своем подпольщиками стали молодые люди, не имеющие опыта руководства, поэтому вскоре встал вопрос о том, кто нас возглавит. Командиром стал Михаил Сергеевич Царев, которого я знал еще до войны, он работал вместе с отцом бухгалтером в колхозе, и во время оккупации трудился на той же должности в деревне Китень Русский. Мы с ним случайно встретились, я ездил в деревню за рыбой. Поговорили, сразу безо всяких разминок поверили друг другу, и с этого времени он встал во главе нас, так как к тому времени уже был тесно связан с лесом. Вскоре партизаны завезли нам мины, и мы до ухода в лес взорвали два эшелона. Лично я вместе с Сашей на базе МТС 120 тонн горючего подорвал. Причем все прошло очень удачно, как раз выпало мое дежурство на станции, Евгения Иванова заговорила дежурного-немца, мы обязательно работали вместе с одним из оккупантов. Они там разговаривали, а я как будто спал в это время в будке. Отвлекли его, мы с Сашей бегом к станции, заложили бомбу, и я только обратно вернулся, как увидел, что Евгения с немцем все еще разговаривают. Я сделал вид, будто только проснулся, и говорю им сонным голосом, мол, что вы там так долго разговариваете. Когда нас проверяли гестаповцы после взрыва на МТС, он спрашивал дежурного немца, уходил я куда-либо или нет, и тогда этот дежурный подтвердил мое алиби, сказав: «Нет, нет, Алекса здесь был все время». Но вскоре я почувствовал слежку за собой, через Сашу передал эту информацию Цареву, и он моментально убрал нас. Мы втроем на машине с Сашей Беспаловым и еще одним парнем, Костя Богданов был водителем, уехали в пересылочный пункт в деревне, где мы отдыхали перед уходом в лес. Пришли к партизанам в августе 1943 года, я попал в Восточное соединение партизан Крыма под командованием Кузнецова, определили меня в 5-й комсомольский молодежный партизанский отряд под руководством Алексея Андреевича Вахтина. Кстати, командование представило нашу подпольную группу к орденам Ленина, но в итоге нас наградили Орденами Красной Звезды, я свой получил в 1989 году по настоянию одного из крымских историков. Как раз перед нашим прибытием в этом отряде на одном из заданий погибла диверсионная группа. Поэтому из нас организовали новую диверсионную группу, я ее возглавил. Мы с Лидой Левченко ходили на дорогу и подрывали немецкие машины. Вырезали кабели, взрывали столбы, по нашим данным подрывники пустили под откос девять эшелонов. Кроме того, в боевых операциях участвовали. В первом бою участвовал у деревни Саблы, мы выбили оттуда румынских егерей и временно освободили этот населенный пункт. В лесах было особенно сложно с продуктами питания, ели то, что люди дадут или возьмем в бою у немцев. После того памятного боя несколько раз склады брали, затем участвовал в операции в Изюмовке Кировского района. В большие прочесы тяжело пришлось, я потерял там много своих друзей. Немцы блокировали лес, мы что могли, то наварили и взяли с собой, кукурузы и пшеницы, мяса отварили. Нас гоняли долго, через средние леса прошли, казалось бы, вырвались из кольца, и тут нас опять окружили, хорошо помню, как немецкий самолет-разведчик летал в небе и корректировал

огонь несмолкающей вражеской артиллерии. Было тяжело, погибло много партизан. Мой друг Леша Деревянко там погиб, он был ранен в ногу и потом подорвал себя, когда немцы к нему приближались.

В 1944 году 11 апреля в ожидании приближения наших войск мы вышли из леса и оседлали дорогу, захватили румынскую батарею, развернули ее в сторону Феодосии и заставили румын бить по отступающей пехоте противника и по танкам. Таким образом, мы заставили немцев пойти окружным путем по целине. 11 апреля мы штурмовали Старый Крым, освободили город, а затем отошли на окраину Старого Крыма и уже 12 апреля организовали боль-

шой праздник. Освободили Старый Крым одни партизаны, без участия армии. Но к вечеру 12 апреля немцы прорвались к городу, и несколько вражеских танков на улице Северной выбили партизан. Выводили мирных людей из домов и расстреливали, а кого и так убивали, прямо на глазах у детей. Женщина какая-то вырвалась все-таки из лап оккупантов и прибежала к нам, мы в центре находились. Рассказала о зверствах, тогда наш отряд с Вахтиным впереди прибежал туда, и мы увидели, как немцы расстреляли несколько человек, после чего сели на танки и рванули дальше. А на улице Северной вповалку лежали убитые, несколько десятков людей. Расстреливали всех подряд, в том числе и маленьких детей, не щадили никого.

13 апреля 1944 года мы встречали наши части, со стороны Феодосии шли по шоссе танки. Думаем, чьи же это танки, на всякий случай приготовились за домами на окраине к бою, но у нас и серьезного противотанкового оружия не было, только один или два ПТР. Уже готовились открыть огонь и тут увидели на танковых бортах надписи: «За Родину!» и «За Сталина!». Мать моя! А они идут с задраенными люками, не знают, что их ждет в Старом Крыму. И тут смотрим, какой-то капитан со Звездой Героя Советского Союза на груди выскочил из танка, двигавшегося первым, и произошла радостная встреча. Дальше у нас произошла встреча с Климентом Ефремовичем Ворошиловым. Он поблагодарил каждого за проявленный героизм в тылу врага и поздравил с освобождением Крыма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.